

Выходные данные:

Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре: сборник научных статей. Вып. 9. / редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 5 – 10.

УДК 821.161.1-98

М.И. Бондарович

МОТИВЫ ХОЛОДА, ОДИНОЧЕСТВА, ЗАБРОШЕННОСТИ В «ЛУННОМ» ТЕКСТЕ РАННЕГО РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

В статье рассматриваются такие особенности лунного мира диаволического символизма, как пустота и безжизненность, реализуемые посредством оформления и активного функционирования мотивов холода, одиночества, заброшенности, которые наиболее ярко демонстрируют специфику лунного континуума в лирических текстах крупнейших представителей раннего русского символизма В. Брюсова, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, З. Гиппиус.

В тексте диаволического символизма лунный мир обретает особые пространственно-временные характеристики: это мир, где царят безвременье и оцепенение – именно эти категории позволяют реализовать представления о конституирующих свойствах лунной реальности: пустоте и безжизненности. Организующими мотивами в данном случае зачастую выступают мотивы холода, одиночества, заброшенности, явно прослеживающиеся в «лунном» тексте раннего русского символизма.

Если попытаться определить параметры инвариантной модели лунного мира как мира пустого и лишённого проявлений жизни, то наиболее полным вариантом их материализации, вероятно, следует признать стихотворение Валерия Брюсова «Холод». Для диаволического символизма (как, впрочем, и для модернизма в целом) границы подлинной реальности перемещаются в пространство внутреннего мира индивидуума. У Брюсова сущность этого мира обозначена предельно ясно и лаконично: «Все во мне – лишь смерть и тишина» [1, с. 482]. Показательно, что именно луна с ее мертвящей силой становится причиной опустошения души героя. Луна приносит с собой «холод, душу очаровывающий», и разрушает все чувства, бушующие внутри, предлагая взамен смертельный покой: «От луны лучи протягиваются, / К сердцу иглами притрагиваются. // В этом блеске – все осилившая власть, / Умирает обескрылевшая страсть. // Все во мне – лишь смерть и тишина, / Целый мир – лишь твердь и в ней луна» [1, с. 482]. Образ холода, овладевающего душой лирического героя, усиливается за счет введения в ткань стихотворения образа снега, который уподобляется сетям, уловляющим людские души. Здесь мы сталкиваемся с характерным для диаволического символизма «переворачиванием» значений христианской символики: рыбацкая сеть, забрасываемая «ловцами человеков» дабы привести новые души к истине, дарующей им жизнь вечную, превращается у Брюсова в сотканную дяволической матерью-паучихой (символом которой, как указывалось выше, зачастую выступает луна) паутину, оплетающую душу – павшую жертву, тем самым утверждающую полную победу холодного лунного мира над всеми чувствами, некогда определявшими жизнь героя: «Снег сетями расстилающимися / Вьет над днями забывающимися, // Над последними привязанностями, / Над святыми недосказанностями!» [1, с. 483].

В стихотворении В. Брюсова «Хорошо одному у окна» доминирующим является мотив одиночества, выступающий в характерном для диаволического символизма значении. Это одиночество, которое не становится источником страданий для

лирического героя, не пугает его – напротив, оно приносит ощущение освобождения от земных страстей и тревог, чувство наслаждения обретенным покоем и, как результат, понимание открывшейся возможности свободного творчества. Лирический герой, в лунном мире достигнувший состояния бесстрастия, как будто видит всё в новом свете: «Хорошо одному у окна! / Небо кажется вновь голубым, / И для взоров обычна луна, / И сплетает опять тишина / Вдохновенье с раздумьем святым» [1, с. 87]. Хаос бытия в бесстрастном мире луны приобретает несвойственное ему значение мощной организующей силы, так как именно в очищенном от метаний чувствующей и переживающей души беспорядочном сплетении теней, порожденных лунным светом, герой способен черпать долгожданное вдохновение и творческий подъём: «И гирлянду пылающих роз / Я доброшу до тайны миров, / И по ней погружусь я в хаос / Неизведанных творческих грез, / Несказанных таинственных слов» [1, с. 87]. Лирический герой словно испытывает облегчение от того, что этот поток вдохновения берет свои истоки не в любви, которая неизбежно приносит страдания, а в одиночестве, рождённом лунной ночью: «Эта воля – свободна опять, / Эта мысль – как комета – вольна! / Все могу уловить, все могу я понять... / И не надо тебя целовать, / О, мой друг, у ночного окна!» [1, с. 87].

В «Осеннем чувстве» В. Брюсова лунная символика холода и оцепенения усиливается за счет традиционной мифопоэтической трактовки образов осени и заката, воплощающих идею угасания, перехода от жизни к смерти. Холодный отблеск луны несёт с собой разрушение и увядание: «Гаснут розовые краски / В бледном отблеске луны; / Замерзают в льдинах сказки / О страданиях весны» [1, с. 33]. Холод выступает синонимом траура и смерти: «Светлых вымыслов развязки / В черный креп облечены, / И на празднествах все пляски / Ликом смерти смущены» [1, с. 34]. Но, опять-таки в духе эстетики диаволического символизма, здесь происходит перекодирование традиционных представлений: если, с точки зрения мифологического мышления классического типа, увядание, угасание, смерть являются залогом грядущего возрождения, то, согласно мифологии раннего символизма, новое рождение невозможно. Застывший, бесплодный мир «Осеннего чувства» неспособен к возрождению, любые попытки изменить это состояние окажутся тщетными: «Под лучами юной грезы / Не цветут созвучий розы / На куртинах Красоты, // И сквозь окна снов бессвязных / Не встречают звезд алмазных / Утомленные мечты» [1, с. 34] – солнце не сменит луну, весна не наступит никогда.

В лирической поэме В. Брюсова «Снега» лунный континуум наиболее детально проявляет все свои черты и свойства: холод, безвременье и оцепенение. Фигура безвременья материализуется за счет предельной ограниченности и бесконечного воспроизводства одного и того же хронотопа: прошлое, настоящее и будущее лирического героя замыкается в рамках одной картины – снежная равнина, залитая лунным светом, по которой он идет со своей возлюбленной: «Ты помнишь?» Голубым каскадом \ Луна струит холодный блеск, \ И мы скользим в молчаньи рядом» [1, с. 91]. Воспоминание о давней зимней лунной ночи, неотвязная мечта о ее повторении, без остатка заполняющая собой сознание лирического героя в его настоящем, размышления о будущем, опять-таки связанные с этой картиной, формируют устойчивое ощущение остановившегося времени, времени, замкнутом на себе.

Качественная характеристика лунного пространства лирической поэмы «Снега» как пространства холода достигается за счет специфической колористики, представленной сочетанием льдистого лунного блеска и холодных оттенков голубого цвета, взятого в негативном, с общепринятой точки зрения, аспекте своей символики, связанной с его противопоставленностью теплым цветам (красному / розовому, желтому / золотистому), символизирующим жизнь и радость, но весьма притягательном для диаволического символизма, усматривающего в голубом цвете отсыл к трансцендентности демонических сил и самой смерти, особое ощущение бесстрастности: «...Голубым каскадом \ Луна струит холодный блеск», «Идём мы, двое, в тишине, \ Под чарой голубого света»,

«Луны холодные рога \ Струят мерцанье голубое \ На неподвижные снега», «Как гроб, мертва и холодна \ Лазурная равнина снега, \ Свое мерцанье льет луна...» [1, с. 90-91].

В этом безжизненном пространстве герой предаётся воспоминаниям о былой любви: «Увы, Мария, навсегда \ Погасли зори золотые, \ Любовь скатилась, как звезда» [1, с. 90]. Эти воспоминания бесплодны и губительны для лирического героя «Снегов»: «Без ласк, без клятв, без слов, без речи, \ И, как венчальные огни, \ Затеплились на елях свечи! \ святыня – те былые дни! \ Я изнемог. Что было, снова, \ Чтоб мог воскреснуть я, верни!» [1, с. 91].

В подобном пространстве, пленником которого оказался герой, царит застывшее оцепенение («твой взор застыл»). Это свойство лунарного континуума отмечает А. Ханзен-Леве: «...текст «лунного» стихотворения «иконически» отображает в своей структуре и аллегории диаволическую силу луны, заставляющую застывать все живое» [2, с. 212]. Таким образом, надежды на спасение у лирического героя нет, он обречен на вечное одиночество среди бесплодных воспоминаний, холода «лунного мерцанья» и снегов: «Зову в безумии. Ни слова. \ Гляжу: лишь тень моя, одна, \ На ткани снежного покрова» [1, с. 91].

В стихотворении Федора Сологуба «Высока луна Господня» мотивы холода и одиночества становятся ключевыми элементами, составляющими атмосферу безжизненности и пустоты, которая материализуется в образе погруженной в тишину ночной улицы, залитой мертвенным лунным светом. Таким образом создаётся пространство пустоты, где всё «мертво», где отсутствуют любые звуки, даже самые привычные: «Ни одна вокруг не лает \ Из подруг. \ Скучно, страшно замирает \ Все вокруг. \ В ясных улицах так пусто, \ Так мертво. \ Не слышать шагов, ни хруста. \ Ничего» [3, 176]. Нахождение в подобном пространстве вызывает у всякого живого существа ощущение тревоги, неуверенности в себе и в том, что его окружает. Введенный в пространство «лунного вакуума» образ собаки позволяет одновременно конкретизировать и универсализировать природу тревожных ощущений, а, в отдельных случаях, и уточнить ее. Мир, лишенный движения, звука, цвета, оказывается, обладает неуловимым для человека запахом: «Землю нюхая в тревоге \ Жду я бед. \ Слабо пахнет по дороге \ Чей-то след. \ Никого нигде не будит \ Быстрый шаг. \ Жданный путник, кто-ж он будет, \ Друг или враг?» [3, 176]. Чувство одиночества, ночные страхи перед неизбежным становятся невыносимыми, и появляется желание любым способом их разрушить: «Под холодную луною \ Я одна. \ Нет, не вмочь мне, – я завою \ У окна», «Просыпайтесь, нарушайте \ Тишину. \ Сестры, сестры! войте, лайте \ На луну!» [3, 177]. Однако стремление расколоть тишину отчаянным воем-криком и тем самым пробудить мир безрезультатно: эти звуки сложатся в жуткий гимн той, кто погрузил реальность в состояние пустоты и сна-смерти.

Ночное время суток обостряет чувство одиночества, беспокойства, страха и у лирического героя стихотворения Ф. Сологуба «Грустная светит луна». Мотив одиночества-оставленности здесь чрезвычайно усиливается за счет введения характерной для поэтики Сологуба модели психического расстройства – душевной болезни. Лирический герой демонстрирует набор признаков агорафобии – боязни открытых дверей, открытого пространства, страха перед всем тем, что может ожидать за пределами собственного надежно изолированного жилища: «Полуночную порою \ Я один с больной тоскою \ Перед лампою моей. \ Жизнь докучная забыта, \ Плотно дверь моя закрыта, – \ Что же слышно мне за ней?» [3, с.54]. Страх перед неизвестностью, который усиливается одиночеством (никто не придет на помощь), порождает у героя оцепенение, перерастающее в панику, связанную с тем, что тот убийственный холод, который заполняет внешнее пространство, может поглотить и его. Никакие, даже самые надежные двери не выдержат натиска этих сил: «Отчего она, шатаясь, \ Чуть заметно открываясь, \ Заскрипела на петлях? \ Дверь моя, не открывайся! \ Внешний холод, не врывайся! \ Нестерпим мне этот страх» [3, с.55]. И вновь, совершенно в духе представлений диаволического символизма, болезненный всепоглощающий ужас, навеянный холодной луной, становится прологом перехода в пространство абсолютного холода и пустоты: «Что мне делать? Заклинать ли? \ Дверь рукою задержать ли? \ Но слаба рука моя. \ И уста дрожат от страха. \ Так, воздвигнутый из праха, \ Скоро прахом стану я» [3, с.55].

У Зинаиды Гиппиус лунарная символика зачастую связана с образами тумана и теней, маркирующих зыбкость, нечеткость, ослабленность всех без исключения реалий подлунного мира. Эти характеристики распространяются не только на внешнее пространство, но и на пространство внутреннее: на душу человека и его чувства. Так, например, в стихотворении «Молитва» появляется образ покорного слабого сердца: «Тени луны неподвижные... \ Небо серебряно-черное... \ Тени, как смерть, неподвижные... \ Живо ли сердце покорное?» [4, с. 48] При этом ощущение слабости и неустойчивости в духовной сфере воспринимается З. Гиппиус как одно из проявлений несвободы, являющейся результатом «плена»: душа, опутанная сетями тумана, заключенная в темницу теней, неминуемо истощается: «Кто-то из мрака молчания \ Вызвал на землю холодную, \ Вызвал от сна и молчания \ Душу мою несвободную» [4, с. 48]. Лирический герой Гиппиус не может жить с «несвободной» душой – это невыносимая мука для него: «Жизни мне дал унижение, \ Боль мне послал непонятную...», и жаждет для души избавления: «Так подними же, Неведомый, \ Дух Твой, Тобою униженный» [4, с. 49]. Однако в лунном пространстве, сотканном из теней и тумана, не может быть места надежде на полноценную жизнь – оно безжизненно по своей сути. У тех же, кто находится в подобном пространстве, нет шанса на возрождение. Лирический герой рассчитывает только на силу молитвы, которую возносит к Богу: «Сжался, о Боже, над слабостью \ Сердца, Тобой сотворенного, \ Над бесконечною слабостью \ Сердца, стыдом утомленного» [4, с. 49]. Он осознаёт, что света ему не обрести, и жаждет лишь бесконечного покоя. Иными словами, лирический герой готов на всё, чтобы освободиться от уз безжизненного пространства ради пространства пустоты, где он видит возможность отдохновения для своей уставшей, измученной души путем ее растворения, аннигиляции: «Прежнее дай мне безмолвие, \ О, возврати меня вечности... \ Дай погрузиться в безмолвие, \ Дай отдохнуть в бесконечности!..» [4, с. 49].

Во фрагментах незавершенной поэмы Константина Бальмонта «Погибший» оцепенение, неподвижность лунного мира, на первый взгляд, предстает в несколько ином ракурсе. Образ ночного парка, возникающий в первой части поэмы, не только не вызывает ощущения «мертвой зоны», но, напротив, воспринимается как чудесный мир, несмотря на то, что традиционная эпитетика застывшей реальности представлена здесь в полном объеме: «Окован бледною Луной, \ Весь парк уснул во мгле ночной. \ \ Весь парк не шелохнет листом. \ И заколдован старый дом. \ \ Могильны окна, лишь одно \ Мерцаньем свеч озарено. \ \ Не спит – изгнанник среди людей, – \ И мысли друг, – и враг страстей» [5, 62]. Далее первоначальное ощущение только усиливается: создавая лунный хронотоп поэмы, К. Бальмонт формирует у читателя позитивную коннотацию этого хронотопа, то определяя его как «час любви, объятий, снов», то как мир, способный принести герою ощущение прикосновения к иной, лучшей реальности: «Он слышит, как плывет Луна, \ Как дышит, шепчет тишина, \ \ Он видит в мире мир иной, \ И в нем живет он час ночной. \ \ Тот мир – лишь в нем, и с ним умрет, \ В том мире светоч он берет. \ \ То беглый свет, то краткий свет, \ Но для него забвенья нет» [5, 62].

Но этот покой обманчив – это очередная иллюзия, порожденная луной. На эфемерность надежды на то, что неподвижность и оцепенение есть приметы покоя, указывает детальный ряд: например, «мерцанье свеч», «беглый свет» с его кратковременностью, за которым кроется ощущение гнетущего одиночества. Об этом свидетельствует второй отрывок поэмы, который кардинально отличается от первого как на эмоциональном, так и на смысловом уровне: «Помогите! Помогите! Я один в ночной тиши. \ Целый мир ношу я в сердце, но со мною ни души» [5, 62]. Герой яростно просит о помощи, он погибает в сумрачном пространстве, которое осмысливается им как зловещее: «Для чего кровавым потом обгаряется чело? \ Как мне тяжело! Как мне душно! Вековое давит зло!» [5, 62]. Но на его призывы о помощи никто не откликается: он в западне, в ловушке у одиночества. Лишь холодные звёзды и луна безразлично наблюдают за очередной жертвой: «Помогите! Помогите! Но никто не внемлет мне. \ Только звезды, улыбаясь, чуть трепещут в

вышине. \ Только лик Луны мерцает, да в саду, среди вершин, \ Шепчет Ветер перелетный: Ты один – один – один» [5, 62].

В стихотворении К. Бальмонта «Вечно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море» во власти царицы-луны оказываются небо и море: «Вечно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море, \ Оба окутаны светом мертвенно-бледной Луны» [5, 35]. Несмотря на величие неба и силу моря – они заложники лунной ночи, даже свободный ветер не в силах разорвать границы пространства грусти и скорби, меланхолия разлита во всем этом просторе и безбрежности: «Ветер в пространстве смутился, смолк в безутешном просторе, \ Небо, и Ветер, и Море грустью одною больны» [5, 35]. И вновь «инструментом» для «диаволического преобразования мира» выступает холод, который погружает в мрачное оцепенение, губит всё живое: «В холоде гибнет и меркнет все, что глубоко и нежно, \ В ужасе Небо застыло, странно мерцает Луна». Лунный холод, таким образом, пронизывает весь универсум, поскольку стихии воздуха и воды, воспринимаемые как бесконечные и вечные, задают здесь параметры мира-космоса: «Горькая влага бездонна, Море синее безбрежно, \ Скорбь бытия неизбежна, нет и не будет ей дна» [5, 35].

Таким образом, лунный мир диаволического символизма, характеризующийся такими свойствами как безвременье, оцепенение, предстает в поэтическом тексте русских символистов посредством реализации мотивов холода, заброшенности, одиночества. Лунная реальность диаволизма основана на перекодировании традиционных мифологических представлений о смерти – рождении: здесь не действует закон вечного возвращения, на смену закату не приходит рассвет. Иллюзорные реалии лунного мира возникают, чтобы исчезнуть, так и не найдя возможности осуществить себя. По мнению А. Ханзена-Лёве, «лунные проекции оказываются холодными, бесстрастными, безжизненными и обреченными на смерть, поскольку они лишь «появляются», но не «просветляются», (как в солнечной образности)...» [2, с. 211].

Литература

- 1 Брюсов, В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / В. Брюсов. – М. : «Художественная литература», 1973. – 672 с.
- 2 Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Лёве. – С.-Пб. : «Академический проект», 1999. – 512 с.
- 3 Сологуб, Ф. Лирика / Ф. Сологуб. – Мн. :Харвест, 1999. – 480 с.
- 4 Гиппиус, З. Стихотворения; Живые лица / З. Гиппиус. – М. : Худож. лит., 1991. – 471 с.
- 5 Бальмонт, К. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / К. Бальмонт. – М. : «Альфа-книга», 2011. – 1307 с.